

Теркулов Халим Александрович

Магистрант НАЧОУ ВПО СГА

Направление: Юриспруденция

Магистерская программа: Гражданское право, семейное право,
международное частное право

Лишение родительских прав как вид злоупотребления правом

Аннотация. Статья посвящена глубокому изучению понятия «злоупотребления правом» в контексте семейно-правовых отношений. Сравнительно-правовой анализ данной категории в рамках гражданско-правового и семейно-правового регулирования позволяет выявить несовершенство законодательного регулирования института лишения родительских прав в России.

Ключевые слова: злоупотребление правом, родительские права, прекращение права, лишение родительских прав.

В частном праве, к которому относятся и семейно-правовые нормы, где основными методами регулирования являются правонаделение и дозволенность, и злоупотребление субъективными правами – явление нередкое.

Признавая некоторую специфику регулирования семейных отношений, следует подчеркнуть, что термин «злоупотребление правом» должен использоваться в семейном законодательстве в том же смысле, что и в гражданском. Нормы Семейного кодекса РФ, касающиеся этой конструкции, являются специальными по отношению к норме ст. 10 ГК РФ [1] и имеют приоритет в применении, но их содержание должно быть продолжением, конкретизацией общецивилистической доктрины злоупотребления субъективным правом.

Семейное законодательство гарантирует несколько групп субъективных прав: супружеские права, родительские права, права ребенка. Можно предположить, что любое из субъективных прав, реализуемых в семейных правоотношениях, может быть основой для злоупотребления. В ст. 7 СК РФ [2] предусмотрены, хотя и не названы таковыми, основные пределы осуществления семейных прав:

- права, свободы и законные интересы других членов семьи и других граждан;
- назначение субъективных семейных прав.

Представляется необходимым сравнить две нормы о пределах осуществления субъективных прав – ст. 7 СК РФ и ст. 10 ГК РФ. Во-первых, положения семейного законодательства, в отличие от ст. 10 ГК РФ, не отказались от «назначения права» в качестве универсального предела осуществления. Данный предел в гражданско-правовых отношениях применяется, только если конкретные нормы отдельных институтов ставят осуществление прав в зависимость от их назначения, а в семейном праве назначение определяет осуществление любого субъективного права.

Во-вторых, в отличие от ГК РФ, в норме семейного законодательства помимо прав и интересов третьих лиц пределом выступают их свободы.

Норма СК РФ ограничивает не только осуществление прав, но аналогичным образом и исполнение обязанностей. Это очень показательно, так как в семейных правоотношениях нередко встречается совпадение прав и обязанностей по содержанию. «Родители имеют право и обязаны воспитывать своих детей» (п. 1 ст. 63 СК РФ), и далее, родители «несут ответственность за воспитание и развитие своих детей».

С такими моделями «прав-обязанностей» связано много теоретических и практических проблем, поскольку права есть категория антагонистическая обязанностям, они взаимно исключают друг друга, и их объединение девальвирует смысл этих категорий [3, с. 265]. Применительно к концепции злоупотребления правами совершенно не ясно, когда лицо при модели «право-

обязанность» осуществляет право и этим причиняет вред, а когда не исполняет долженствование.

В науке семейного права высказывались позиции, в определенной мере объясняющие причины возникновения конструкций «прав-обязанностей» и неотвратимость их существования для регулирования семейных отношений [4, с. 59; 3, с. 101; 5, с. 6]. Главным аргументом является потребность императивного регулирования особо значимых для общества и государства семейных отношений, в частности отношений с участием детей, и установления обязанности осуществлять некоторые права, соответственно права родителей [6, с. 257]. Представляется, что тем самым выхолащивается субъективное право родителей на воспитание, оно становится декларативным, обязанность воспитывать становится превалирующей.

Иногда такую ситуацию объясняют следующим образом: право воспитывать есть у родителей не по отношению к ребенку, а по отношению к другому родителю (равное) и иным лицам (у них преимущественное). По отношению же к ребенку у родителей есть обязанность воспитывать, так как у ребенка есть корреспондирующее с ней право на воспитание своими родителями в семье. Такой подход немного определенной, но в настоящий момент не соответствует буквальному толкованию СК РФ, который не указывает адресата родительских прав и обязанностей и не делает соответствующих различий в регулировании.

Проблематика действующих современных норм семейного права применительно к отношениям родителей и детей заключается в провозглашении, но не обеспеченности многих возможностей, и неконтролируемости многих долженствований. Отчасти это связано с «правами-обязанностями», но главным образом это сопряжено с попытками вовлечь в сферу правового регулирования отношения, которые не поддаются по своей природе формализации и внешнему воздействию. Такими являются отношения по воспитанию детей. Праву следует остановиться на тех вопросах, которые ему доступны хоть в какой-то мере. Ведь закрепляя обязанность

надлежаще воспитывать и заботиться, законодатель берет на себя непосильный труд (а в реальности возлагает этот труд на орган опеки и попечительства и суд), выражающийся в необходимости определять, делается ли родителями все необходимое, что здесь нужно считать эталоном, можно ли установить стандартные требования к родительской любви, ласке, доброте, внимательности. Это отмечали еще дореволюционные цивилисты: «...создать правильные взаимные отношения между ними (поколениями), деятельную взаимную связь, поддержку и помощь закон бессилён» [7, с. 82].

Представляется, что чтобы последовательно установить в семейно-правовых нормах правило о недопустимости злоупотребления семейными правами, нужно попробовать решить проблему «прав-обязанностей». Можно постараться разделить права и обязанности родителей. В форме обязанности закрепить следующее: необходимость содержать детей; обеспечивать детям возможность развиваться по возрасту и способностям; заботиться о здоровье ребенка; защищать интересы детей в государственных и иных органах, перед любыми лицами; обеспечить детям получение основного общего образования; обеспечивать общение ребенка с родственниками, если это не вредит интересам ребенка.

В качестве субъективных родительских прав необходимо предоставить родителям следующие возможности: право общаться с ребенком (так как никто не сможет принудить родителя к общению против его воли); право получать от любых органов и лиц информацию о ребенке; право проживать с ребенком; право выбирать формы обучения детей и образовательные (воспитательные) учреждения с учетом мнения детей и их интересов.

Это предложение представляется важным не только непосредственно для семейно-правового регулирования, но и для института злоупотребления частными правами и для ряда иных общецивилистических институтов. Скажем, предусмотренное в ГК РФ правило о субсидиарной ответственности родителей за вред, причиненный их детьми в возрасте от 14 до 18 лет, устанавливает обязанность родителей отвечать при недостаточности имущества их ребенка

или отсутствии у него источников дохода, если родители не докажут отсутствие их вины во вредоносном поведении детей. Однако доказать это практически невозможно, поскольку презюмируется, что плохое поведение детей есть результат ненадлежащего исполнения обязанности родителей по воспитанию. Есть только две возможности в этом случае исключить вину родителя: если доказать вину третьих лиц, у которых находился ребенок в момент совершения деликта, или доказать, что ребенок причинил вред случайно.

Воспитание есть сложный процесс, связанный со многими обстоятельствами объективного и субъективного характера. Содержание этого процесса настолько многогранно, насколько и неопределенно. Формулирование юридической обязанности, напротив, требует максимальной формализованности и конкретности.

Специалисту в области гражданского права ясно: нельзя спрашивать за результат воспитания, привлекать к ответственности за его отсутствие, так как он зависит не только от воспитывающего, но и от воспитуемого. Воспитание сродни услуге в гражданском праве, поэтому можно контролировать лишь сам процесс, и то в самом формальном виде. Известно, что родители могут приложить максимальные усилия к воспитанию, но при этом ребенок вырастет асоциальным элементом (преступником, маньяком, лодырем и пр.). Представляется, что эффективнее выразить через форму юридической обязанности наиболее контролируемые и доступные внешней оценке элементы родительских усилий – необходимость содержать детей, предоставлять те или иные вещи для развития способностей в соответствии с возрастом ребенка и т. п.

При этом за неисполнение указанных обязанностей следует продумать такие механизмы ответственности, которые возлагали бы на родителей претерпевание дополнительных негативных последствий, поскольку лишение родительских прав нередко воспринимается нерадивыми родителями как освобождение от обязанностей. Если родитель не содержит и не обеспечивает

достойные условия жизни ребенка, необходимо принудить его к исполнению обязанности. Нет смысла данного родителя в этом случае избавлять от нее, лишая статуса родителя.

Другое дело – осуществление прав по воспитанию. Принудить любить ребенка право не в силах, обеспечить ему доброе отношение родителей невозможно против их воли. Однако, если родители будут ненадлежаще, с превышением установленных пределов осуществлять названные права, следует квалифицировать их поведение как злоупотребление правом и отказывать родителям в защите их прав. В этой ситуации лишение родительских прав мера эффективная. Право как бы говорит: если управомоченное лицо не желает использовать предоставленные ему возможности общаться с ребенком, заботиться о нем, прививать ему какие-либо навыки, что ж, тогда данное субъективное право ему не нужно и пусть его получит другое лицо. Такая модель позволит четко разграничивать составы правонарушений и подбирать адекватные меры реагирования на них со стороны государства.

Нельзя сказать, что круг пределов осуществления семейных прав, очерченный в ст. 7 СК РФ, исчерпывающий. Применительно к отдельным институтам установлены специальные пределы. Например, для реализации родительских прав к уже указанным пределам добавляются:

- приоритет интересов ребенка над интересами родителей;
- осуществление родительских прав не во вред физическому и психическому здоровью ребенка и его нравственности;
- надлежащие способы воспитания детей (запрет пренебрежительных, жестоких, грубых, унижающих человеческое достоинство, оскорбительных способов);
- недопустимость эксплуатации ребенка.

Хотелось бы заострить внимание еще на том, что санкции за злоупотребление правом в ГК РФ и СК РФ неодинаковы по содержанию, но схожи по модели применения. За злоупотребление гражданским правом предусмотрен отказ в защите права управомоченному лицу, ненадлежаще его

осуществляющему. Содержание этой санкции трудно назвать определенным, хотя некоторые авторы предпринимают попытку относить ее к разряду относительно-определенных санкций [8, с. 21]. Относительная определенность санкции характеризуется возможностью выбора для суда между верхним и нижним ее порогом в зависимости от тяжести содеянного и степени вины причинителя вреда. В отношении отказа в защите права не предусмотрены подобные пороги, санкция является законодательно неопределенной.

Отказ в защите права доктрина и практика рассматривают в нескольких вариантах:

– как отказ в удовлетворении иска о защите, предъявленного управомоченным лицом. Эта трактовка наиболее парадоксальна, поскольку предполагает, что защита от вредоносного осуществления прав зависит от активных действий правонарушителя и потерпевший не способен самостоятельно инициировать защиту;

– как удовлетворение исковых требований, адресованных управомоченному лицу, осуществляющему свое право с нарушением установленных пределов. В этом случае защита потерпевшего налицо, но отказ в защите права носит разовый характер и касается только конкретной конфликтной ситуации;

– как лишение права. Еще римские юристы не видели смысла в субъективном праве, которое не снабжено юридической защитой, поэтому определенная логика в рассмотрении отказа субъекту в защите принадлежащего ему права как прекращения данной юридической возможности есть. Иной вопрос – есть ли необходимость за любое превышение пределов осуществления лишать субъекта его прав? Ведь санкция не дифференцирована, не зависит от особенностей конкретного состава, не приспособлена к изменчивости в зависимости от степени вины и пр.

В семейном законодательстве за злоупотребление родительскими правами предусмотрено именно лишение родительских прав, то есть применительно к регулированию родительского правоотношения законодатель

уточнил значение «отказа в защите» в пользу принудительного прекращения права за его ненадлежащее осуществление.

Можно ли считать это решение правильным? Учитывая, что состав злоупотребления родительским правом детально в СК РФ не разработан, вряд ли можно согласиться с подобной радикальной трактовкой санкции. К тому же лишение родительских прав нередко рассматривается плохими родителями как освобождение от бремени по надзору за ребенком, а детьми – как большее зло, чем невнимание и агрессия родителей.

Очень точно данную ситуацию описывает А.М. Нечаева: «Знакомство именно с такими делами позволяет воочию увидеть картину страшного бедствия детей, чьи родители начисто забыли о своем родительском долге. Мало того, пропивают даже причитающееся детям государственное пособие. Многие из них, не скрывая своего облегчения, признают предъявленный к ним иск, устно и даже в письменном виде отказываются от собственных несовершеннолетних детей, что свидетельствует о деградации человеческой личности и заставляет искать на государственном уровне выход из создавшегося положения» [9, с. 82].

Подтверждение этому есть в конкретных судебных делах. Особенно показательны из них те, в которых выносится заочное решение, поскольку родитель не желает даже принимать участие в разбирательстве и просит рассмотреть дело в его отсутствие, так мало для него значит вопрос воспитания собственного ребенка. Если бы иск подавался не о лишении прав, а, скажем, о наложении штрафа, наложении дополнительных обязанностей на данного родителя либо о зачислении государственных пособий и иных средств, получаемых ребенком, на счет ребенка с установлением подконтрольного и целевого их расходования, то родитель вряд ли стал бы игнорировать судебный процесс. Поскольку альтернативы лишению прав сегодня в СК РФ нет, то единственным стимулом к участию родителя в процессе о лишении его родительских прав служит требование о взыскании алиментов на ребенка. Однако прокурор или местные органы в качестве истцов по этой категории дел,

да и сам суд крайне редко ставят вопрос об алиментах, предпочитая заочное и быстрое рассмотрение дела. Здесь трудно не согласиться с А.М. Нечаевой в том, что «заочное рассмотрение дела по иску о лишении родительских прав утрачивает свою воспитательную силу, профилактическую значимость не только для ответчика, но и широких масс населения» [9, с. 98].

С другой стороны, в судебной практике часто встречаются случаи, когда ребенок просит оставить его с родителями, которые плохо с ним обращаются, но не отдавать его в детское учреждение. Следовательно, лишение прав родителей по отношению к детям не всегда избавление для ребенка, иногда еще одна беда.

Необходимо также подчеркнуть, что в семейном праве лишение родительских прав одновременно является мерой ответственности за неисполнение родителями обязанностей, например по содержанию ребенка и пр. Представляется, есть основания задуматься над дифференциацией этой меры не только в зависимости от вида противоправного поведения, но и от иных заслуживающих внимания обстоятельств (вины, неоднократности деяний, тяжести последствий и др.). Типичным стало положение, когда в иске о лишении родительских прав в качестве оснований заявлено и злоупотребление родителем спиртными напитками, и злостное уклонение от выполнения обязанности по содержанию, и злоупотребление родительскими правами, выражающееся в понуждении ребенка употреблять спиртное, и истязание ребенка. Однако такой «букет» разнообразных противоправных действий не дает судье никакого маневра, он не может, учитывая тяжесть содеянного, применять более жесткие меры, поскольку единственная мера – лишение родительских прав – и есть наиболее жесткий вариант реагирования.

Эффективность лишения родительских прав должна определяться судом в каждом конкретном случае, и желательно внести в Семейный кодекс РФ перечень условий, установив которые суд должен прибегнуть к этой крайней мере. Для случаев, когда ненадлежащее осуществление родителями их прав единично и есть основания полагать, что родители могут изменить свое

поведение, требуется предусмотреть альтернативную меру правового воздействия, и даже не одну. В некоторых ситуациях может быть эффективным штраф, в других – установленный на срок жесткий контроль за поведением родителей со стороны органов опеки и попечительства.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // РГ. 1994. № 238–239. 8 декабря.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 №223-ФЗ // РГ. 1996. № 17. 27 января.
3. Антокольская М.В. Семейное право: Учебник. М., 1996.
4. Пергамент М.В. Основания возникновения и сущность родительских прав // Правовые вопросы семьи и воспитания детей. М., 1988.
5. Блохина О.Ю. Учет интересов ребенка при реализации им своих личных прав в семье: Учебно-практическое пособие. Тверь, 2010.
6. Ворожейкин Е.М. Семейные правоотношения в СССР. М., 1972.
7. Кавелин К. Очерки юридических отношений, возникающих из семейного союза. СПб., 1884.
8. Яценко Т.С. Шикана как правовая категория в гражданском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2001.
9. Нечаева А.М. Комментарий судебной практики по применению семейного законодательства. М., 2005.